

МЕРА ВСЕХ НАУК

Авторы представляют
Институт психоло-
гии РАН.

**Александров
Юрий**

Иосифович —
доктор психологиче-
ских наук, профес-
сор, заведующий ла-
бораторией психо-
физиологии имени
В.Б. Швыркова.

E-mail: yuraalexan-
drov@yandex.ru

**Александрова
Наталья**

Львовна —
кандидат психологи-
ческих наук, старший
научный сотрудник
лаборатории психоло-
гии личности.

E-mail: nataliya-ale-
xandrova@yandex.ru

**Харламенкова
Наталья**

Евгеньевна —
доктор психологиче-
ских наук, профес-
сор, ведущий науч-
ный сотрудник лабо-
ратории психологии
личности.

E-mail: natalya.kharla-
menkova@gmail.com
В журнале "Человек"
публикуются впер-
вые.

Статья подготовлена
при финансовой
поддержке Совета
по грантам Прези-
дента РФ ведущим
научным школам
РФ. Грант
№ НШ-3752.2010.6.

104

СУБЪЕКТИВНЫЙ ОПЫТ: ЛИЧНОСТНОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ

© 2011

*Ю.И. Александров,
Н.Л. Александрова,
Н.Е. Харламенкова*

Задача настоящей работы состоит в том, чтобы сопоставить динамику культуры и социальных представлений в период серьезных социально-экономических изменений. Для того чтобы ее решить, прежде всего, необходимо выяснить следующее. Как формируется субъективный опыт в культуре? Что такое культура и ее динамика? Как можно описать структуры субъективного опыта и культуры? Что такое социальные представления? Почему именно социальные представления целесообразно рассмотреть для анализа упомянутой динамики?

Формирование субъективного опыта в культуре

С позиций системного подхода возникновение новой системы, направленной на достижение полезного приспособительного результата, то есть системогенез, рассматривается как формирование нового субъективного опыта в процессе научения. В основе образования новых систем при научении лежит процесс специализации нейронов относительно вновь формируемой системы. Системная специализация нейронов постоянна и означает их неизменное вовлечение в реализацию соответствующих функциональных систем.

Вновь сформированные, все более дифференцированные системы не заменяют существующие, а "наслаиваются" на них. Таким образом, субъективный опыт индивида представляет собой структуру, образованную системами разного "возраста". Минимально необходимый набор систем разного возраста, актуализация которых обеспечивает достижение результата в отдельном поведенческом акте, может быть рассмотрен как единица субъективного опыта¹.

Научение или формирование субъективного опыта в процессе системогенеза детерминировано как культурно, так и генетически. У индивидов культурозависимыми являются не только сложные концепции, но и опыт, опосредующий "простое" поведение, которое обычно рассматривается как "врожденное", "генетически фиксированное" (например, ходьба). Игнорирование этой зависимости ведет к "когнитивному солипсизму", когда когнитивные процессы

рассматриваются в связи с мозгом, но в отрыве от культуры. Примечательно в данной связи, что теоретические идеи о культурной обоснованности перцептивной активности и мышления были выдвинуты достаточно давно. В то же время основной объем данных о культурной обусловленности перцепции был накоплен лишь в последние несколько лет².

Культуру данного сообщества можно рассмотреть как совокупность элементов (систем) и единиц, которые способствуют достижению “коллективных” результатов в данном сообществе на данном этапе его развития. Культура — это не набор “стимулов-инструкций”, а среда обучения, формирования субъективного опыта, специфичного для данной культуры.

“Культурная специализация” индивидов в рамках этой логики предстает как формирование такой структуры субъективного опыта, которая комплементарна опыту других индивидов. При этом обучение в культуре означает, что индивиды научаются выполнять определенную часть общей работы в достижении коллективных результатов.

Сопоставление структуры культуры и структуры субъективного опыта приводит к заключению, что их формирование основано на принципе селекции; их развитие представляет собой переход от менее дифференцированных к более дифференцированным формам. При этом вновь образовавшиеся элементы обеих структур не отменяют ранее существовавших, но “наслаиваются” на них. Реализация поведения осуществляется посредством одновременной актуализации множества элементов опыта — систем разного возраста. В культуре процесс актуализации также затрагивает множество систем: наряду с новыми затрагиваются и древние ее элементы³.

Социальные представления

Социальные представления не являются суммой индивидуальных знаний. Они есть “социальный семиотический конструкт” — инструмент, обеспечивающий совместное действие индивидов, принадлежащих к данной культуре⁴. Стержнем социальных представлений является динамическое взаимоотношение индивидуального и социальной структуры⁵. Социальные представления отражают социальные процессы, в которые включены индивиды; при этом индивидуальные знания оказываются с необходимостью социальными⁶. Д. Жодле подчеркивает, что “социальное представление лежит на границе между психологическим и социальным <...> это ментальная деятельность индивидов и групп”⁷.

Выделяют следующие функции социальных представлений:

■ Сохранение стабильности, устойчивости индивидуальной или групповой когнитивной структуры;

■ Организация поведения.

Теория социальных представлений широко распространена в отечественной психологии. Это связано со свойственным ей “системным”, “холистическим” подходом к построению культурных моделей психического, который в большей мере соответствует традициям отечественной психологии, чем редукционистским западным традициям.

¹ Подробнее см.: Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М., 2009; Швырков В.Б. Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики. Избр. труды / Под ред. Ю.И. Александрова. М., 2006.

² Nisbett R.E., Miyamoto Y. The influence of culture: holistic versus analytic perception // Trends in Cognitive Sciences. 2005. V. 9. P. 467.

³ Подробнее см.: Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Указ. соч.

⁴ Raudsepp M. Why is it so difficult to understand the theory of social representations? // Culture and Psychology. 2005. V. 11. P. 455–468.

⁵ См.: Voelklein C., Howarth C. A review of controversies about social representations theory: A British debate // Culture & Psychology, 2005. V. 11. P. 432–454; Wagner W. Description, explanation and method in social representation research // Papers on Social Representations. 1995. V. 4. P. 1–21.

⁶ Moscovici S. Why a theory of social representations? // Representations of the social: Bridging theoretical traditions / Eds. K. Deaux and G. Philogene. Oxford: Blackwell, 2001. P. 8–35.

⁷ Жодле Д. Социальное представление: феномены, концепт и теория // Социальная психология / Под ред. С. Московичи. СПб.: Питер, 2007. С. 375.

⁸ Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психол. журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3–18. Он же. Социальное представление: исторический взгляд. Продолжение // Там же. № 2. С. 3–14.

⁹ См.: Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Там же. № 1.

¹⁰ Sternberg R.J. Cultural explorations of human intelligence around the world // Online readings in psychology and culture (Unit 5, ch. 1) / Eds. W.J. Lonner, D.L. Dinnel, S.A. Hayes, D.N. Sattler. 2002. URL: <http://www.edu/~culture> Center for Cross-Cultural research, Western Washington Univ., Bellingham, Washington, USA.

¹¹ Raudsepp M. Op. cit.

¹² Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психол. журнал. 1995. Т. 16. № 1. Он же. Социальное представление: исторический взгляд. Продолжение // Там же. № 2.

¹³ Sternberg R.J. Implicit theories of intelligence, creativity and wisdom // J. of Personality and Social Psychology. 1985. V. 49. P. 607–627.

¹⁴ Смирнова Н.Л. Исследование имплицитных концепций интеллекта // Психология личности в условиях социальных изменений. М., 1993. С. 97–103; Она же. Социальные репрезентации интеллектуальности (на примере российской выборки) // Психол. журнал. 1994. Т. 15, № 6. С. 61–68; Она же. Образ умного человека: российское исследование // Российский менталитет: Вопросы

Эмпирические исследования социальных представлений выступают не только инструментом анализа соотношения между структурами субъективного опыта и культуры, они имеют также и самостоятельное значение. Кросс-культурное сопоставление социальных представлений, в частности представлений об интеллектуальной личности, и анализ их модификаций в связи с изменениями общественного устройства играют важную роль в развитии самой науки (психологии, социологии, культурологии), заинтересованной в понимании состава, вариативности, культурной специфичности и динамики обыденного знания. Более того, от содержания этого знания в немалой степени зависит эффективность индивидуальной (коллективной) деятельности и выживание социума⁸. Подобное сопоставление может способствовать также эмпирическому анализу специфики русской ментальности, которая, как правило, определяется вненаучным, либо сугубо умозрительным путем.

Социальные представления об умном человеке

Имплицитные представления об умном человеке относятся к социальным представлениям, составляющим обыденное знание. Последние нельзя рассматривать лишь как набор примитивных и, в отличие от научных, искаженных знаний и предубеждений. Если бы это знание было лишь “пустой фантазмагорией”, то, как справедливо отмечает Дюркгейм, было бы непонятно, как оно так долго могло формировать человеческое сознание⁹, как могло быть эволюционно отобрано в качестве принципиально важной компоненты культуры и субъективного опыта. Имплицитные представления являются основой формирования поведения человека, существенно определяя его эффективный, “успешный интеллект”¹⁰. Их, как и культуру вообще, можно рассмотреть в качестве эффордансов для соответствующих форм поведения¹¹. От содержания обыденного знания в значительной степени зависит результативность индивидуальной (коллективной) деятельности¹².

Имплицитные теории служат основой для неформальных ежедневных оценок интеллекта (в школе, на работе) и для интеллектуального развития (взаимоотношения “родитель — ребенок”). Изучение имплицитных представлений об интеллектуальной личности может оказать влияние на формирование социальных представлений, опосредующих самые разные области межличностных отношений, в том числе и в профессиональной сфере (профотбор, педагогика, психология и проч.)¹³.

В наших экспериментальных исследованиях имплицитных представлений об умном человеке были получены данные, которые отчетливо демонстрируют зависимость характеристик субъективного опыта от особенностей культуры того сообщества, в котором этот опыт формируется. Сопоставлялись имплицитные представления об интеллектуальной личности в России в сравнении с таковыми в других странах, а также соответствующие представления в России на различных этапах происходящих в стране социально-экономических изменений¹⁴. Всего были проанализированы ответы 695 респондентов.

Кросс-культурный анализ социальных представлений

В работах, посвященных исследованию концепций интеллектуальности, выделена ее двухкомпонентная структура (“технологический” или “когнитивный” и “социальный” компоненты) и рассмотрен вклад каждой из этих компонент в общее представление об интеллектуальности. Это разделение оказалось эффективным инструментом нашего кросс-культурного анализа.

Одной из проблем при проведении кросс-культурных сравнений является разница в методических приемах, используемых в исследованиях. В нашей работе мы попытались это учесть, воспользовавшись методикой, которая была максимально приближена к той, что использовалась в финском, японском и американском исследованиях¹⁵, и в то же время могла быть культурно адаптирована.

На основании контент-анализа описаний умного человека (первый этап исследования), составлялся бланк с утверждениями, касающимися интеллектуальной личности (всего 60 позиций). На втором этапе респондента просили вспомнить умного человека, которого он знал лично, указать его пол и возраст и оценить по каждой из позиций с помощью пятибалльной шкалы. При обработке результатов применялись факторный анализ и другие статистические методы. Было выделено пять значимых факторов (таблица на с. 108; *вес соответствующего фактора представлен цифрой в ячейке*).

В *социально-этический* фактор входили следующие дескрипторы: скромный, порядочный, доброжелательный, добрый, честный, помогает другим; в фактор *культуры мышления* — эрудированный, интеллектуальный, хорошо образован, много читает, гибкий ум, творческий; в фактор *самоорганизации* — поведение мало зависит от эмоций, практичный, не повторяет собственных ошибок, хорошо действует в сложной ситуации, стремится к поставленной цели, логичный; в фактор *социальной компетентности* — умеет понравиться, хорошо говорит, активный, общительный, с чувством юмора, интересный собеседник; в фактор *опытности* — многое умеет, мужественный, работоспособный, мудрый, критичный.

Из приведенной таблицы видно, что в 2004 году (в отличие от данных исследования 1990-х, где на первом месте в факторной структуре был социально-этический фактор) на первое место выходит фактор культуры мышления, относящийся к когнитивной компоненте интеллекта. Социально-этический фактор перемещается на второе место. На третьем месте оказывается фактор социальной компетентности, который в предыдущем исследовании был на четвертом месте. Таким образом, в исследовании 2004 года было зафиксировано изменение структуры представлений об интеллектуальности в сторону усиления когнитивной компоненты.

В состав факторов культуры мышления, социально-этического и социальной компетентности вошли те же дескрипторы, что и в исследовании 1990-х годов. Опытность и самоорганизация не выделились в отдельные факторы: дескрипторы, входящие в них, распределились по всем выделившимся 5 факторам. Фактор, занявший 4-е место, был назван фактором уравновешенности: в него вошли такие дескрипторы, как “не зависит от эмоций”, “спокойный”, “не повторяет собственных ошибок”, “умеет предвидеть”. Фактор, занявший

психологической теории и практики. М., 1997. С. 112–130; Она же. Типы социальных представлений об интеллектуальной личности // Современная психология: состояние и перспективы исследования. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М., 2002. С. 129–139. Александрова Н.Л. ИмPLICITные концепции интеллекта в России: стабильность и динамика // Тенденции развития современной психологической науки. Ч. 1 / Под ред. А.Л. Журавлева, В.А. Кольцова. М., 2007. С. 333–335; Одицова М.А. Социальные представления об интеллектуальности: сравнительное исследование на российской выборке // Дипломная работа под рук. Н.Л. Александровой. М.: Высшая школа психологии, 2005; Харламенков А.А. Социальные представления об умном человеке и их динамика / Дипломная работа. М.: МОСПИ, 2010.

¹⁵ Röty H., Snellman L. Does gender make any difference? Common-sense conceptions of intelligence // Social behavior and personality. 1992. V. 20. P. 23–34; Azuma H., Kashiwagi K. Descriptors for an intelligent person: A Japanese study // Japanese Psychological Research. 1987. V. 29. P. 17–26; Sternberg R., Conway B., Ketron J., Bernstein M. People's conceptions of intelligence // J. of Personality and Social Psychology. 1981. V. 41. P. 37–55.

Динамика представлений об умном человеке, значения факторов

Начало 1990-х	2004	2010		
M ₁ = 33 M ₂ = 15* N ₁ = 99 N ₂ = 82 Σ = 181	M = 34 N = 114	M = 20 N = 200	M = 28 N = 100	M = 43 N = 100
Социально-этические качества 10,5	Культура мышления 24,6	Интеллектуальная активность 18,0	Социально-этические качества 19,0	Социально-этические качества 26,6
Культура мышления 9,1	Социально-этические качества 8,0	Социально-этические качества 12,7	Интеллектуальная активность 9,8	Культура мышления 10,1
Самоорганизация 8,2	Социальная компетентность 5,9	Культура мышления 9,4	Культура мышления 7,9	Коммуникативная компетентность и целеустремленность 5,8
Социальная компетентность 6,8	Уравновешенность 4,8	Рецептивная социальная компетентность 6,8	Целеустремленность 5,1	Самораскрытие 4,0
Опытность 5,8	Целеустремленность 4,4	Коммуникативная компетентность 5,1	Рецептивная социальная компетентность 4,3	—

* M — средний возраст, N — число респондентов в выборке.

5-е место, был назван фактором целеустремленности: в него вошли такие дескрипторы, как “стремится к поставленной цели”, “хочет многого достичь”, “имеет цель в жизни”, “активный”. Дескрипторы, входящие в эти факторы, описывают личностные качества умного человека и относятся скорее к его социальным качествам, чем к когнитивным.

Сравнивая полученные результаты с финскими, японскими и американскими, можно отметить следующее: общим для российской, финской и японской моделей является их социальная направленность. Во всех трех исследованиях социальные качества выступают ведущими. Это измерение представлено в основном двумя блоками характеристик: социально-этические, кооперативные (или рецептивные) и социальная компетентность, настойчивость или позитивная социальная компетентность. В работе Р. Стернберга (с соавторами) выделено только одно социальное измерение, которое больше соответствует фактору социальной компетентности, нежели социально-этическому фактору¹⁶.

Навыки решения проблем отмечены во всех работах, хотя выражены они по-разному. В финском и японском исследованиях к данным навыкам относятся быстрота и эффективность действий. В аме-

¹⁶ Sternberg R., Conway B., Ketron J., Bernstein M. Op. cit.

риканском исследовании акцент делается на непредубежденности и точности. В нашем исследовании лидируют опытность и гибкость.

Согласно результатам американского исследования ведущую роль в представлениях об интеллектуальной личности играет когнитивная компонента (способность практически решать проблемы; в нашей выборке наиболее выраженная когнитивная компонента — культура мышления). В японском исследовании на первый план выступает социальный фактор (позитивная социальная компетентность; в нашей работе ведущая социальная компонента — социально-этическая).

Итак, в нашем исследовании девяностых годов была выявлена ведущая роль социального фактора, что совпало с данными японского исследования и разошлось с данными американского проекта. Когнитивный фактор занял второе место. По-видимому, это означает, что по своим традициям и стилю мышления, во всяком случае в том их аспекте, который определяет изученные характеристики прототипов, в нашей выборке скорее преобладают представители восточного менталитета, нежели западного. Другой важный вывод заключается в том, что имплицитные концепции, описывающие интеллектуальную личность, являются результатом общественного консенсуса и что модель интеллектуальности различна в разных культурах¹⁷. Стоит ли говорить, что здесь мы сталкиваемся с проявлением индивидуалистской западной и коллективистской восточной ментальности¹⁸?

В пользу утвердительного ответа наряду с приведенными выше данными свидетельствуют, например, результаты сопоставления представлений о математике у французских и русских преподавателей. Число вербальных единиц, характеризующих роль математики для общества, у русских преподавателей в четыре раза превышало таковое у французских. Число же единиц, описывающих роль математики для индивида, ровно обратное¹⁹.

Заметим также, что в нашем обществе интеллектуальность связывается с понятием интеллигентности, традиционно включает морально-этическую оценку²⁰, а успех познавательного процесса — с нравственным состоянием человека²¹.

Комплексное исследование разных социальных представлений (помимо полученных результатов) показывает, что их специфика в индивидуальном сознании россиян выражается в наличии морального отношения, акцента *почти во всех представлениях* (политических, правовых и т.д.)²². Связь морали и интеллекта обнаруживается также при анализе концепций интеллекта, сформулированных во многих восточных и африканских странах. Так, в конфуцианской традиции интеллект рассматривается как “способность делать правильный моральный выбор и отстаивать аргументированность этого выбора”, а в качестве интеллектуального рассматривается человек, который действует, как этого требует мораль, в соответствии с идеей “правильности”²³. По мнению Янга и Стернберга, если в западной традиции мораль отделена от интеллекта, то в конфуцианстве существуют теснейшие отношения интеллектуальности и морали. Сфера этического — не только наиболее важная компонента для философии Китая, она связана с китайской культурой в целом. Она не отделена от этикета, ритуала, обрядов, неписаного права и т.п.²⁴ Это отражается на социальных представлениях об интеллектуальной личности.

¹⁷ Sternberg R.J. Implicit theories of intelligence, creativity and wisdom...

¹⁸ Dasen P.R., Dembele B., Ettien K., Kabran K., Kamagate D., Koffi K.A., N'guessan A. N'glouele, l'intelligence chez les Baoule // Archives de Psychologie. 1985. V. 53. P. 293–324; Wong N., Lu F.G., Shon S.P., Gaw A.C. Asian and pasific American patient issues in psychiatric residency training programs // In: Mental health and people of color. Curriculum development and change // Ed. J.C. Chunn et al. Washington, D.C.: Howard Univ. Press, 1983. P. 239–265.

¹⁹ Самойленко Е.С., Галкина Т.В., Болон Ж., Вернье Ж. Субъективные представления о математике как сфере знания у французских и русских преподавателей // Психология, практика, образование: формы и способы интеграции. М., 2007.

²⁰ См., напр.: Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России. Сб. статей 1909–1910. М., 1991. С. 24–42; Буландин Д.М. Эпилог к истории русской интеллигенции. СПб., 2005; Марцинковская Т.Д. Русская ментальность и ее отражение в науках о человеке. М., 1994.

²¹ Петруня О.Э. О философском проекте И.В. Киреевского // Вест. Международного славянского университета. 1998. Вып. 3. С. 84–89.

²² Абульханова К.А. Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 3. М.,

2002. С. 88–103; Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. М., 2005; Знаков В.В. Понимание субъектом правды о моральном поступке другого человека: нормативная этика и психология нравственного сознания // Психол. журнал. 1991. Т. 12. № 1. С. 32–43; Славская А.Н. Правовые представления российского общества // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 75–92.

²³ Yang Sh., Sternberg R.J. Conceptions of intelligence in ancient Chinese philosophy // J. of Theoretical and Philosophical Psychology. 1997. V. 17. P. 105, 106.

²⁴ История этических учений / Под ред. А.А. Гусейнова. М., 2003.

²⁵ Лихачев Д.С. Культура как целостная динамическая среда // Вестник РАН. 1994. № 8. С. 724.

²⁶ Чулина Г.А., Суровцева Е.В. Современное цивилизованное мышление и российский менталитет // Социально-политический журнал, 1994. № 9–10. С. 21–30.

²⁷ Diener E., Oishi S. Are Scandinavians happier than Asians? Issues in comparing nations on subjective well-being // Asian economic and political issues: Vol. 10 / Ed. F. Columbus. N.Y., 2004. P. 1–25.

При понимании культуры в широком смысле слова, сказанное выше находится в определенном противоречии с утверждением о том, что “азиатское начало в русской культуре — не более чем мираж”²⁵. Оно противоречит и точке зрения, согласно которой из двух начал — восточного и западного — преобладание первого над вторым в российском менталитете определяется влиянием православной традиции. Последняя вписалась в культуру, имеющую определенные паттерны “восприимчивости”. Российская ментальность формировалась под воздействием многих этнических, социально-исторических, культурных факторов, в результате чего формировался этнический тип, представляющий собой восточнославянскую основу с финскими, тюркскими, монгольскими и другими этническими наслоениями²⁶.

Кстати, что бы мы сами ни говорили о нашей “азиатскости” или “европейскости”, в зарубежных социально-психологических исследованиях России “по определению” относят к группе азиатских стран²⁷. С подобной оценкой, видимо, согласился бы А.С. Пушкин, который писал, что помещение России в Европу — “ошибка географов”; “единственный европеец в России” — правительство²⁸, что “со времен восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно”²⁹. Оппозиционные правительству авторы, соглашаясь с мнением Пушкина, отмечают, что “правительство всегда стояло у нас во главе развития и движения. <...> Оно должно было бороться с невежеством, с тупостью...”³⁰ Н.Я. Данилевский (1871) обосновывал утверждение о том, что с культурно-исторической точки зрения Россия никак не может считаться частью Европы.

Западная культура в России того и более раннего времени была поверхностным барским заимствованием³¹. И в настоящий момент по данным некоторых исследований большинство россиян (71%) не считают себя европейцами³². Существует устойчивое мнение, что “западники” в России — “маргинальная группа”³³.

Россия — не Европа, но и полная отделенность России от Европы немыслима, — полагал Н.Я. Данилевский. Русский народ — не чисто европейский и не чисто азиатский. *Россия — “Востоко-Запад” и соединяет в себе два мира*. Обратим внимание на постановку именно Востока на первое место, в завышенном словообразовании, принадлежащем Н.А. Бердяеву³⁴.

Сказанное выше — не просто фигура речи. Как отмечает И.В. Кондаков³⁵, дихотомия “Восток — Запад” является важнейшей компонентой культурологического знания. Ее использование является препятствием как для унификации культур, так и для стремления к их полной автономизации.

Динамика социальных представлений в меняющемся обществе

Культура может быть представлена как “поток”, “динамическая среда”; ее содержание постоянно изменяется³⁶. В качестве основы и определяющего фактора направленности потока Л. Уайт рассматривает технологию и связанную с ней социальную организацию. По-

следняя понимается как способ, которым общество извлекает пользу из технологии. В зависимости от упомянутого фактора меняется отношение к “теще... целомудрию, эвтаназии, рабству, расторжению брака, бережливости... и еще тысяче подобных вещей”³⁷.

Социальная организация в нашей стране за рассматриваемый период изменилась существенным образом. Произошли серьезные трансформации в российском менталитете³⁸. Подрастает поколение, непосредственно не знакомое с ранее существовавшей социально-экономической системой. У молодежи складываются новые по сравнению распространенными прежде ценностные представления³⁹, выражающиеся, например, в том, что они в меньшей степени, чем предшествующие поколения, надеются на удачу и чудо; возрастает значимость таких ценностей, как “богатство”, “собственность”.

Меняются не только сложные социальные представления, но и элементарные когнитивные и эмоциональные процессы⁴⁰. Причем эти изменения могут быть быстрыми. Как отмечал А.Р. Лурия, анализ результатов экспериментальных исследований (которые он назвал “антидекартовскими” экспериментами) процессов решения задач, аргументации, воображения и т.п. демонстрирует, что “перестройка мышления может произойти за относительно короткое время при наличии достаточно резких изменений социально-исторических условий”⁴¹.

Итак, социальные представления — динамический феномен⁴², но экспериментально их динамика очень мало изучена. В то же время результаты такого изучения, особенно приуроченного к периодам серьезных социальных и экономических изменений, когда часто наблюдается отказ от прежних представлений (бесполезных или даже неодобряемых, как при переходе от демократии к тоталитаризму), имеют важное теоретическое и практическое значение⁴³.

Если обратиться к приведенным выше данным, можно сделать вывод: за двадцать лет, охваченных исследованием, имплицитные концепции интеллектуальности претерпели явную “вестернизацию”: на первое место выходит когнитивный фактор, социальный уходит на второе. Несмотря на отмеченную “вестернизацию”, и в исследовании 2004 года продолжает выявляться социально-этический фактор, который не обнаруживается в американской выборке⁴⁴. Кажется, и к сегодняшним дням может быть отнесено сказанное К.Д. Кавелиным в позапрошлом веке: “мы оевропеились, оставаясь русскими по-прежнему”⁴⁵.

Полученные данные показывают, что изменения, происходящие в российском обществе и в российском менталитете, отражаются в модификации обыденных концепций интеллектуальности. В то же время последние имеют и устойчивые характеристики. Это, по-видимому, связано с наличием у социальных представлений наряду с подверженной модификациям “периферии” также и постоянного “ядра”. Такая структура была установлена в работах других авторов с помощью разнообразных процедур, включающих как количественный, так и качественный анализ⁴⁶. “Центральная система” или “ядро” представлений, как считают авторы, определяется историческими, социальными и идеологическими условиями. Ядро стабильно, когерентно, согласовано и связано с коллективной памятью и системой ценностей. Периферия, напротив, более чувствительна и определяется ближайшим контекстом. Она является “посредни-

*Ю. Александров,
Н. Александрова,
Н. Харламенкова*
Субъективный
опыт: личностное
и социокультурное

²⁸ Цит. по: Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. Т. 2. М., 1991. С. 462, 465.

²⁹ Пушкин А.С. Дневники // Автобиографическая проза. М., 1989. С. 202.

³⁰ Голоса из России. Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Кн. V–VI. 1857–1859. Лондон. Выпуск второй. М., 1976. С. 64.

³¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

³² Восприятие россиянами европейских ценностей. Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. URL: <http://www.levada.ru/press/2007021501.html> (дата обращения: 15.02.2007).

³³ Диллигенский Г.Г. “Запад” в российском общественном сознании // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 5–19.

³⁴ Бердяев Н.А. Русская идея // Вопр. философии. 1990. № 1. С. 78.

³⁵ Кондаков И.В. Запад и Восток // Культурология. XX век. Энциклопедия в 2 т. / Гл. ред. и сост. С.Я. Левит. СПб., 1998. Т. 1. С. 667–670.

³⁶ Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М., 2004; Лихачев Д.С. Указ. соч.

³⁷ Уайт Л. Указ. соч. С. 75, 77.

³⁸ Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. М., 2005.

³⁹ Журавлев А.Л. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений в обществе // Труды Института психологии РАН / Под ред. А.В. Брушлинского и В.А. Бодрова. М., 1997. Т. 2. С. 123–129; Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М., 2006; Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2004.

⁴⁰ Kitayama S. Culture and basic psychological processes — toward a system view of culture: Comment on Oyserman et al. // Psychol. Bulletin. 2002. V. 128. P. 89–96.

⁴¹ Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. Научная автобиография / Под ред. Е.Д. Хомской. М., 1982. С. 69.

⁴² Voelklein C., Howarth C. A review of controversies about social representations theory: A British debate // Culture & Psychology, 2005. V. 11. P. 432–454.

⁴³ Meier-Pesti K., Kirchler E., El-Sehity T. The euro as a source of European identity // Changes of social representations from 1997 to 2002. Euro-Workshop (IAREP). Vienna, Austria. 3th–5th of July 2003. URL: <http://homepage.univie.ac.at/stephan.muehlbacher/euro/papers/meier-pesti-et-al-proc.pdf>; Raudsepp M. Why is it so difficult to understand the theory of social representations? // Culture and Psychology, 2005. V. 11. P. 455–468.

⁴⁴ Sternberg R., Conway B., Ketrin J., Bernstein M. Op. cit.

ком” между “реальностью” и ядром. Устойчивой и *культуроспецифичной* компонентой ядра в наших исследованиях оказывается социально-этический фактор.

***

В исследовании 1990-х годов не было обнаружено различий в данных, полученных от респондентов разного возраста. В 2010 году такие различия обнаружены (см. таблицу). Среди молодых респондентов до 20 лет прослеживается влияние нового фактора (*интеллектуальная активность*), который раньше не встречался в нашей выборке, но выявлялся в американском исследовании Р. Стернберга (*способность практически решать проблемы*).

Таким образом, мы можем говорить об еще одной характеристике “вестернизации”, не зафиксированной ранее. В последнем исследовании данная характеристика включает следующие переменные: “быстро постигает суть проблемы”, “гибкий ум”, “быстро мыслит”, “быстро принимает решения”, “хорошо действует в сложной ситуации”, “умеет предвидеть”, “не боится совершать ошибки”, “активный”, “уверенный в себе”, “с чувством юмора”.

В группе молодых респондентов фактор “интеллектуальная активность” выделяется в качестве ведущего с наибольшим значением процентов. В группе же респондентов 28 лет социально-этический фактор и фактор интеллектуальной активности меняются местами. Социально-этический фактор объясняет наибольший процент дисперсии. Среди респондентов 28 лет (как в 1990-е годы) он занимает первое место, а у 20-летних — второе, как 2004 году. В группе сорокалетних в 2010 году по-прежнему устойчивы социальные представления об умном человеке. Первое занимает социально-этический фактор, второе — фактор культуры мышления.

Таким образом, данные 2010 года еще раз подтверждают выявленный ранее факт, что социально-этические характеристики играют важную роль в представлениях об умном человеке.

В социальных представлениях о личности также присутствуют периферия и ядро⁴⁷. Авторы выясняли, как повлияли долгие годы пребывания в социалистическом блоке на эти представления в посткоммунистических центральноевропейских странах: Чехии, Словакии и Венгрии, сравнив результаты с соответствующими данными, полученными в Шотландии, Англии и Франции. Несмотря на 40-летний период “тоталитарного коллективизма”, ядро индивидуалистских представлений (которое описывается в терминах “права человека”, “свобода”, “демократия”, “законность”, “права меньшинств”) не изменилось и соответствует таковому в западноевропейских странах. Периферия же претерпела определенные изменения. Авторы, однако, полагают, что ядро также может быть подвержено изменениям, хотя и значительно более медленным и выраженным, чем периферия. Устойчивость ядра может объясняться тем, что динамика структур как субъективного опыта, так и культуры имеет своей основой наложение новых элементов на ранее сформированные, а не замену старых новыми (см. выше).

Сопоставляя социальные представления 1990-х и 2004 годов, мы предполагали⁴⁸, что параметры социальных представлений, на основании которых делается вывод о существовании соответствующих специфических характеристик, могут на определенном этапе соци-

ального развития претерпевать “обратную динамику” по сравнению с показателями, значения которых падали (вплоть до нулевых).

В пользу подобных трансформаций свидетельствуют данные, полученные Н.А. Журавлевой⁴⁹. Она связывает *уменьшение* в глазах граждан России значимости этических ценностей, выявленное ею в 1990-х годах, с серьезными экономическими проблемами и отмечает *возрастание* роли этих ценностей при анализе результатов 2003 года. Можно предположить, что подобная “обратная динамика” будет обнаружена и в представлениях об интеллектуальной личности. Результаты 2010 года подтверждают высказанное предположение. Что касается места социально-этического фактора, то здесь мы также наблюдаем “обратную динамику”, но при этом наблюдается изменение структуры факторов⁵⁰, обусловленное появлением нового для России “западного” фактора.

Можно с большой долей уверенности утверждать: различия между поколениями возросли, что, по-видимому, характерно для общества в период максимальных изменений. Думается, именно самые молодые в наибольшей степени подвергаются вестернизирующим влияниям. Будет ли молодежь и дальше вестернизироваться или в какой-то момент обратится к национальной культурной модели? В значительной мере это будет зависеть не только от экономических факторов, но и от социокультурной политики.

⁴⁵ Кавелин К.Д. Наш умственный строй // Статьи по философии истории и культуры. М., 1989. С. 64.

⁴⁶ См.: Abric J.-C. A Theoretical and experimental approach to the study of social representations in a situation of interaction // Social Representations / Eds. R. M. Farr, S. Moscovici. Camb., 1984. P. 169–184; Abric J.-C. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamic of social representations // Papers on Social Representations. 1993. V. 2. P. 75–78; Vergès P. L'Evocation de l'argent: Une methode pour la definition du noyau central d'une representation // Bulletin de Psychologie. 1992. V. XLV. P. 203–209; Flament C. Consensus, salience and necessity in social representations: Technical note // Papers on Social Representations. 1994. V. 3. P. 97–105; Guimelli C. Concerning the structure of social representations // Papers on Social Representations. 1993. V. 2. P. 85–92; Moliner P. A two-dimensional model of social representations // European J. of Social Psychology. 1995. V. 25. P. 27–40 и др.

⁴⁷ Marková I., Moodie E., Farr R.M., Drozda-Senkowska E., Erős F., Plichtova J., Gaervais M.-C., Hoffmannova J., Mullerova O. Social representations of the individual: a post-Communist perspective // Eur. J. of Social Psychol. 1998. V. 28. P. 797–829.

⁴⁸ Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Указ. соч.

⁴⁹ Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М., 2006.

⁵⁰ См.: Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Указ. соч.